

Мать и дочь. Любовь сквозь поколения

Лина Клокарс, психоаналитик, член IPA, Риитта Сирола, доктор медицины.

*Один есть в мире уголок,
Ты и любовь и счастье мог —
Редчайший дар — в нем обрести
На жизненном своем пути.*

*То сердце матери. Оно
Всегдашней верности полно,
Оно и в радости с тобой,
И в дни, объятые тоской.*

*Когда людей коварство, ложь
Во всех делах ты их прочтешь,
Узнаешь ненависть к себе,
Презрение к твоей судьбе, —*

*Лишь сердце матери тебя
Поймет, печалься и скорбя,
И на груди ее родной
Ты сердце облегчишь слезой.*

*Друзей, что потеряла я,
Вернуть мне может жизнь моя.
Но сердце матери одно —
Его вернуть не суждено...*

By Lydia Koidula, Estonia (1843 -1886)

С самого рождения материнская любовь символизирует все Хорошее. Материнские колени - это рай для наших фантазий. Наша любовь к матери образует основу для всех последующих любовных отношений. Без этого интернализованного идеала материнской любви мы не хотели бы иметь младенцев и детей, и мы не желали бы чувственной и сексуальной близости с другими людьми на протяжении всей остальной жизни. Поскольку мать обычно является первым объектом нашей любви, более развитые эмоции обладают определенным материнским и женским качеством (Tähkä 1993).

Для девочки мать является объектом как любви, так и идентификации, и девочка никогда не отказывается ни от одного из этих отношений, хотя их качество и проявления варьируют от одной фазы развития к другой. Сексуальное желание - это чувство, которое разделяет мать и дочь и изменяет качество их любви, хотя отпечаток материнской сексуальности оказывает существенное влияние на сексуальность дочери. Материнская любовь и любовные отношения между матерью и дочерью одновременно реальны и подвержены фантазии, как и их источник - внутреннее пространство матери, ее физическое и ментальное материнское функционирование. Многие важные вещи в нашей жизни, такие как родной язык, стабильность семьи и различные семейные традиции, передаются через материнское внутреннее пространство и любовные отношения между матерью и дочерью.

Любовь матери и дочери существует в фантазиях матери задолго до рождения дочери. Каждая маленькая девочка воображает, что однажды у нее родится дочь. У нее есть воспоминания и фантазии о любовных отношениях с ее собственной матерью и, возможно, о любви ее бабушки. Текущие отношения - это продукт длинной цепи отношений и любви матерей и дочерей. Многие авторы описывали подобные линии наследования, среди них Блум (Blum 1980), Ходоров (Chodorow 1978), Хегглунд (Hägglund 1988), and и Уэллдон (Welldon 1988).

Существенной частью любовных отношений матери и дочери обычно является мужчина, возлюбленный матери, отец дочери. Интернализованная идея мужчины, отца, любовника, партнера существует, даже если в реальности этого человека нет вообще или он

присутствует только как отсутствующая желаемая фигура. Женщина может желать и хотеть ребенка и без настоящего мужчины, только для себя. Но, конечно, это невозможно без мужской спермы или генов. Для большинства матерей дочь — это желание подтверждения любви, подарок от мужчины. Для дочери мать — это женщина, которая, в первую очередь, любит мужчину. Способность матери любить мужчину и ее способ любить передаются ее дочери и влияют на способ дочери любить мужчину и ее будущий выбор спутника жизни. Фантазии отца о любви между матерями и дочерьми также оказывают решающее влияние на эти отношения.

Лина Клокарс - взрослый и детский психоаналитик, член финского психоаналитического общества. Риитта Сирола-психоаналитик и ассоциированный член финского психоаналитического общества.

Предвкушение материнства и рождения дочери

Вилья Хегглунд (Vilja Hägglund 1988) описывает то, как мы на протяжении всей нашей жизни несем интернализированный мир, разделяемый матерью и ребенком, и передаем его последующим поколениям. Отношения матери и дочери всегда глубоко трансгенерационны (передаются межпоколенчески). В фантазиях будущей матери ребенок в ее матке связан с хорошим внутренним объектом - достаточно хорошей матерью ее собственного раннего детства. Она общается со своим эмбриональным ребенком даже во время беременности и создает фантазии о будущем ребенке. Эти образы оказывают большое влияние на будущее отношение матери к своему потомству.

Фантазии женщины оказывают особое влияние на взаимодействие матери и ребенка, когда ожидаемый ребенок - девочка, так как у каждой матери, помимо фантазий, есть воспоминания о ее отношениях с собственной матерью, и эти переживания и фантазии окрашивают ее ожидания будущего. Отношение матери к девочке отличается от ее отношения к мальчику, точно так же как ее мать реагировала на нее иначе, чем ее отец. Это различие сохраняется на протяжении всей жизни. Наш пол - это наша судьба, он влияет на то, как мать будет реагировать на нас. В наши дни мы часто знаем пол ребенка еще до его рождения, и было бы интересно узнать, как этот факт влияет на отношения между детьми и их родителями.

Желание матери иметь ребенка часто воспринимается как нечто само собой разумеющееся, и ее глубинные мотивы редко учитываются. Бразелтон и Кремер (Brazelton and Cramer 1991) перечисляют некоторые из этих мотивов материнства:

- Идентификация с матерью и с женщинами вообще. Каждая женщина испытала определенную материнскую заботу и имеет фантазии и эмоциональные воспоминания о ней. Уже в 12-18 месяцев девочка начинает, подобно матери, нянчиться со своими куклами и мягкими игрушками. Ее жесты, выражение лица, тон голоса, прикосновения и движения выражают заботу и сочувствие, которые невозможно объяснить только лишь научением.
- Желание быть полноценной и всемогущей. Существует нарциссическая тенденция удовлетворять эти желания беременностью и ребенком.

- Стремление к слиянию и единству с другим. Беременность и кормление ребенка вызывают фантазии о слиянии с другим человеком, о полностью совместном существовании.
- Желание отразить себя в ребенке, надежда, что она сможет дублировать себя, обрести чувство бессмертия.
- Младенец, особенно девочка, дает матери возможность увидеть себя в другом человеке и, по крайней мере, в своих мечтах, достичь ранее утраченных ею идеалов и возможностей. Ребенок представляет собой новое будущее.
- Ребенок дает матери возможность возобновить или репарировать свои отношения с ее собственной матерью.
- Возможность как заменить, так и отделиться от собственной матери, сравнившись теперь со своей всемогущей матерью.
- Попытка матери привязать мужчину к себе через ребенка, или, наоборот, желание доказать, что мужчина занимает второстепенное положение по сравнению с ребенком.

Материнство и беременность - это нормальные кризисы развития для женщины. Эти переломные моменты начинаются с интенсивных сексуальных отношений, ведущих к зачатию (Grete Vibring, 1961). Беременность начинает новый этап в жизни молодой женщины. Объект любви, эмбрион, становится частью женского "Я" до тех пор, пока движения плода не прерывают этот изначально нарциссический процесс. Новая задача в ее психическом развитии состоит в том, чтобы создать образ ребенка как отдельного индивида внутри ее тела. С рождением ребенка она становится бесповоротно и навсегда матерью. Беременность и роды обычно не приводят к индивидуализации эмбриона в сознании матери. Ребенок начинает рассматриваться как совершенно отдельная личность, обычно только после того как в семье появляется еще один ребенок.

Трудности и недостатки в отношениях матери с собственной матерью осложняют ее беременность и последующие отношения с ребенком. Разочарования в материнских отношениях могут превратить желание женщины иметь детей в навязчивое требование (Marita Torsti, 1996). Женщина может быть склонна идеализировать свое собственное материнство, считая себя слишком важной, чтобы понять, что нужно ребенку, и лишая ребенка его главной роли. Мать должна доказать, что она лучше, чем ее собственная мать, вернее, лучше, чем любая другая мать. Ребенку не позволено иметь свое собственное пространство, но он должен поддерживать материнскую грандиозность. Мать становится великой Дающей, без которой ребенок не имеет права выжить. Мать, которой не было позволено удовлетворять свои собственные ранние потребности, может таким образом попытаться использовать своего ребенка для восполнения своего собственного дефицита. Идеализирующая мать не может вынести несовершенства ни в ребенке, ни в себе.

Хотя идеализация материнства часто имеет болезненные последствия для ребенка, иногда это единственный способ для женщины справиться с материнством. Идеализируя свои небезупречные отношения с собственной матерью, она делает возможными любовные отношения со своим ребенком, которые превосходят те ранние отношения. По крайней мере, в своих фантазиях она создает новый тип отношений со своей матерью и отношений мать-дочь в предыдущих поколениях.

С другой стороны, есть девочки и молодые женщины, которые никогда не хотели иметь собственного ребенка, но эти молодые женщины знают, что потенциально они могут иметь ребенка.

Беременность выдвигает на первый план в сознании матери множество вопросов (Elina Mäenpää-Reenkola 1997): сделает ли материнство ее похожей на собственную мать и хочет ли она быть похожей? Рождение ребенка - это узурпация места матери или сокрушительная победа над ней? Будет ли ее мать мстить ей?

Генезис любовных отношений матери и дочери

Рождение ребенка - ожидаемое и желанное событие, но в то же время это амбивалентная и пугающая ситуация для женщины. Беременная женщина является одновременно матерью ребенка, который должен родиться, и дочерью матери, которая родила ее. Таким образом, беременность представляет собой значительное испытание для отношений мать-дочь предыдущего поколения (Pines 1993). Ранние идентификации матери вновь всплывут в воспоминаниях и будут сопоставлены с нынешними отношениями матери и дочери.

Элина Мяенпяя-Реенкола (Elina Mäenpää-Reenkola 1977) описывает, как ребенок становится частью "Я" матери, все еще находясь внутри нее. Беременность и роды преобразуют тело матери и ее образ: границы материнского тела никогда не будут совершенно закрыты; для матери ребенок подсознательно останется частью ее, даже когда он вырастет.

Ребенок нарциссически важен и катектирован для родителей (Furman, 1997; Freud, 1914). В самом начале ребенок является скорее нарциссическим объектом для родителей, а не отдельной личностью. Нарциссическое катектирование никогда полностью не заканчивается, хотя значение ребенка как полноправной личности будет возрастать по мере роста ребенка. Макдугалл (McDougall, 1980) добавляет, что, помимо этого, отношения между матерью и ребенком являются чувственными. Для матери ребенок является источником не только нарциссического, но и либидинального удовлетворения с самого начала.

Нарциссический катексис естественным образом различен в отношении девочек и мальчиков. Матери легче представить свою дочь (нежели сына) в качестве варианта и продолжения собственного тела и психики. Общий опыт и эмпатическое понимание легче развиваются между матерью и дочерью. Нарциссический катексис дочери содержит в себе исполнение всех материнских ожиданий, новые перспективы и фантазии о женской природе и женственности, о материнстве и материнской нежности. В случае успешного развития этот нарциссический союз с матерью превращается в достаточно хорошую любовь, сначала с матерью, затем с отцом и, наконец, в триаде дочь-мать-отец (Maenpää-Reenkola 1997). Таким образом, любовные отношения с матерью образуют прочную основу и возможность для любовных переживаний в дальнейшей жизни.

Устойчивое физическое слияние между матерью и ребенком продолжается даже после рождения ребенка. Бибринг (Bibring, 1961) отмечает, что взгляд женщины, ее объятия, ее жесты, ритм ее укачивания тесно связаны с ее телом. Первый образ ребенка формируется его ощущениями от материнского тела и тем, что он постепенно начинает видеть в глазах матери (Hagglund 1988). Девочка строит свое "Я", отражая себя в глазах матери и взаимодействуя с ее телом. Ее самые ранние переживания себя, ее первые впечатления о женском теле и женственности очень сильно зависят от качества отношений между матерью и дочерью, но, к счастью, образы отца и его отношения с дочерью также очень

важны и глубоки. С точки зрения психоанализа, первая реальность девочки - это Бессознательное ее матери. Торсти (Torsti, 1996) говорит, что раннее взаимодействие между ребенком и его матерью определяется Бессознательным матери и что природа женского внутреннего пространства невербальна. Когда мать говорит со своим ребенком, его внимание концентрируется не на словах, которые она говорит, а на тоне, ритме и громкости ее голоса.

Если это девочка, то бессознательные фантазии матери передаются следующему поколению через физические ощущения и телесную память. Мать знает, более или менее сознательно, что она направляет и обучает потенциальную будущую мать, и это оказывает влияние на ранний уход за девочкой. Первые идентификации начинают формироваться в действиях по уходу. По мере того как дочь растет, обмен опытом расширяется, и взаимные идентификации усиливаются. Мать постепенно готовит дочь на роль женщины, подобно самой себе, а далее, с возрастом, и на роль собственной няньки-матери. Эта задача требует от матери способности достаточно хорошо справляться с болью и огорчением, вызванным завистью, конкуренцией, старением и заброшенностью.

Бабушка ребенка в свое время была внучкой, она также передает опыт предыдущих поколений - последующим. В своей новорожденной внучке она видит, окрашенное ее собственным опытом, начало своей собственной жизни и жизни своей дочери, а также новую возможность репарировать или изменить отношения между матерью и дочерью. Предложение имени новорожденной, помощь в уходе за ней и обмен опытом раскрывают характер материнских традиций семьи.

Ребенок и мать разделяют также и физические ощущения, связанные с грудным вскармливанием. В кормлении грудью и мать, и ребенок имеют фантазию о том, чтобы полностью владеть и контролировать тело другого. Оба испытывают синхронные телесные ощущения, так же как во время беременности. Эти интимные отношения можно рассматривать как психическое рождение (Miller, 2010), как основной способ быть в близких и интимных отношениях с другим человеческим существом. Миллер описывает эту раннюю взаимность с помощью концепций и знаков, введенных Бином (1962), контейнера и контейнируемого, которые также являются знаками мужского и женского. Они также могут быть использованы как знаки оплодотворения-рецептивности и оплодотворения-пенетрации. Согласно Бionу, между ними существует динамическое взаимодействие, и они зависят друг от друга в достижении необходимых интимных отношений. Нужны оба аспекта. Мать и младенец извлекают выгоду из ранних интерактивных и интимных отношений, в которых они оба растут и находят удовольствие.

Эти интимные отношения становятся общими для матери и младенца на психическом, а не только на физическом уровне, и младенец усваивает этот вид отношений как часть своего "Я" (Klockars, 2010). То, что интернализуется - это совместно разделяемые оплодотворяющие отношения. Бion рассматривает эту образующую способность формировать отношения как часть альфа-функции, и это один из основных источников психического развития. Младенец познает удовольствие взаимного оплодотворения, давания и принятия, которое, будучи усвоено, впоследствии переносится во все другие удовлетворяющие человеческие отношения. Тогда давание и принятие происходят вместе и одновременно. Это означает, что они получают и отдают одновременно. Оплодотворение-рецептивность и оплодотворение-пенетрация являются фундаментальными, они связывают, а также дополняют друг друга. Не может быть грудного вскармливания и того удовольствия, которое оно приносит, без матери и младенца, без груди и открытого рта.

Никакие человеческие отношения не будут работать без интроекции и проекции, и нет удовлетворяющей сексуальности без рецептивности и пенетрации, как нет и взаимных, значимых психотерапевтических отношений без этих двух взаимодополняющих событий интроекции и проекции.

Кормящая мать учится судить по количеству молока в своей груди о том, когда ребенок начинает испытывать голод. Она сообщает своему ребенку, как относиться к получению груди и получению удовлетворения эмоционально. Мать дает своему ребенку возможность сосать уже после того, как физическая потребность удовлетворена, так что сосание происходит только для удовольствия. Во время грудного вскармливания она позволяет своему ребенку наслаждаться даже интенсивным сосанием и в то же время успокаивает ребенка и контролирует чрезмерное возбуждение. Как и все другие фантазии о ребенке, фантазии матери, связанные с кормлением грудью, различны в случае мальчика и девочки. Продолжительность грудного вскармливания также важна, потому что, продлевая грудное вскармливание, мать способна одновременно поддерживать и реальность, и фантазию взаимозависимости и господства над телом и умом своей дочери. Точно так же дочь лелеет мечту владеть и управлять своей матерью.

Кормящая мать учится судить по количеству молока в груди, когда ребенок голоден. Она учит своего ребенка устанавливать эмоциональную связь во время кормления и получать удовольствие. Во время грудного вскармливания она позволяет своему ребенку наслаждаться интенсивным сосанием и в то же время успокаивает ребенка и контролирует чрезмерное возбуждение.

Как и все другие фантазии о ребенке, фантазии матери, связанные с кормлением грудью, различны в случае мальчика и девочки. Лактация влияет на отношения между дочерью и матерью. Продлевая лактацию, мать способна одновременно поддерживать реальность и фантазию о взаимной зависимости и господстве над телом и умом дочери. Точно так же дочь лелеет мечту владеть и управлять своей матерью.

Идиллия пре-эдипальной любви

В доэдипальной фазе ребенок верит, что он получает все от матери, которая воспринимается как всемогущая. По ощущениям ребенка, у матери нет собственных потребностей, она всегда служит ребенку (Alice Balint 1939). Любовь к матери полностью эгоцентрична; ребенок полагает, что мать всегда должна отдавать ему предпочтение перед другими, и что его потребности должны совпадать с потребностями матери.

Переживание удовлетворения и насыщенные чувственные ощущения, которые мать и дочь разделяют в процессе ухода, кормления, купания и других забот, образуют незабываемые образы идеальной (perfect) любви. Мать придает значимость телу и сексуальности своей дочери своим взглядом, прикосновением и голосом. В наши дни, когда отцов стало гораздо больше, чем раньше, отцовский взгляд, прикосновение и голос также имеют большое значение для будущей женственности и потенциального материнства дочерей, но внутреннее знание о том, что мать - та, у кого есть матка, которая была беременна и родила, конечно, подчеркивает важность и идеализированное положение матери.

Как говорит Винникотт, мать «соблазняет» своего ребенка к жизни, она пробуждает чувственность тела своей дочери. Столлер (Stoller, 1968) показывает, как признание матерью пола своего ребенка оказывает решающее влияние на формирование и укрепление сексуальной идентичности ребенка.

Согласно Фрейду (1914), индивид не способен отказаться от, однажды испытанного удовольствия; он не желает жить без нарциссического совершенства детства и идеализированной всемогущественной матери. Позже, пробуждение критического суждения заставляет человека осознать, что невозможно сохранить иллюзию совершенства. Индивид пытается восстановить ее в новой форме, в качестве идеала Эго, к которому он стремится. Идеал Эго является носителем утраченного нарциссизма детства, заменителем утраченного ощущения совершенства.

Для ребенка материнство - это идеал любви. Только позже, когда мать дифференцируется в сознании ребенка в индивидуальность, она становится объектом любви и желания. Фурман (Furman 1997) утверждает, что генетическое ядро женственности лежит в потенциале материнства. Девочка узнает свою мать сначала как мать, удовлетворяющую потребности, и только потом как женщину. Юдифь Кестенберг (Judith Kestenberг, 1982) отмечает очень раннее происхождение способности к материнству. Когда маленькая девочка играет со своей куклой, можно увидеть ее любовь к матери и идентификацию с матерью и материнскими действиями (Torsti 1996; Маенраа-Reenkola 1997). Чем более удовлетворяющие отношения девочки с матерью, тем преданнее она заботится о своей кукле. Эта идеализирующая любовь проявляется и в других играх девочки. Она разыгрывает бесконечные домашние сцены, рисует картины, чтобы подарить их матери, поет ей. Мать — это центр всей ее ранней любви. В терапии с пре-эдипальной девочкой, когда мать отсутствует на сеансе, эта фаза часто проявляется как состояние тоски и стремления к матери.

Сексуальность изменяет ранние доэдипальные любовные отношения матери и дочери. Уже на третьем году жизни девочка с помощью мастурбации обнаруживает возбуждение, порождаемое ее гениталиями, и чувственное и сексуальное давление растет. Центральная «кукольная» фаза ранних материнских отношений остается позади.

В это время отношения девочки с матерью претерпевают решающую метаморфозу (Bollas 1997). Мать «открыла смысл» телу своей дочери, ухаживая за ней. Мать обладает характерными способами прикосновения к чувственным и сексуальным частям тела дочери. Из-за своих собственных ощущений мать может чрезмерно сексуализировать тело своей дочери в своих фантазиях. Это то, что мы, психотерапевты, можем видеть за судьбой девочек, подвергшихся сексуальному насилию (Bollas 2000). Мать, подвергшаяся сексуальному насилию в детстве, будет смотреть на половые органы своей дочери с сознательными или бессознательными воспоминаниями и таким образом переносить свою тревогу на дочь. С другой стороны, такой матери приходится отрицать сексуальное удовлетворение тела. Вскоре у дочери развивается способность распознавать материнские желания и потребности и желание их исполнить. Боллас (Bollas) утверждает, что аутоэротические ощущения удовольствия значительно возрастают к трем годам и переносятся на отношения матери и дочери. В сознании ребенка мать становится сексуальным существом, что является совершенно неизвестным для дочери, так как ее тело еще не сексуально во взрослом смысле.

Девочка впадает в кризис в своих отношениях с матерью, поскольку чувствует, что объектом желаний ее матери является кто-то другой, а не она. Доэдипальная мечта разбита, и в ранее замкнутом раю матери-дочери появился мужчина. До сих пор мать была объектом любви. Когда дочь начинает идентифицировать себя с матерью, объект ее любви смещается. Если есть проблемы в идентификации с матерью, будут также проблемы в изменении объекта любви. Если идентификация не позволяет достаточно хорошо

чувствовать автономную идентичность, девочка остается застрявшей в своей ранней любви к матери. С другой стороны, если сексуализация тела девочки произошла слишком рано, то объекты идентификации и любви не могут быть дифференцированы.

На этой стадии развития отношения матери и дочери очень уязвимы. Со временем матери приходится отказываться от любви дочери, которая ранее создавала нарциссическое удовольствие, и верить в удовольствие и любовь, которые может принести идентификация. Фурман (Furman, 1982) прекрасно описывает эту фазу в своей статье «Мать должна быть рядом, чтобы ее можно было оставить». Многие другие аналитики писали о влиянии доэдипальных проблем в отношениях матери и дочери на сексуальное развитие девочки и на ее способность в дальнейшем строить отношения с мужчиной. Жанин Шассеге-Смиргель (Chasseguet-Smirgel, 1970) пишет, что слишком раннее желание девочки освободиться от власти матери, которую она воспринимает как всемогущую и кастрирующую, может привести к сверхидеализации отца и отрицанию собственной женственности.

От Диады к Триаде; эдипальность девочки

Фрейд (1925, 1931, 1933) считал кастрационную тревогу, чувство неполноценности собственного тела, вызванное отсутствием пениса и завистью к пенису, основными мотивами того, что девочка заменяет мать (как объект своей любви) отцом. Девочка разочаровывается в матери из-за отсутствия у нее пениса и обращается к отцу в надежде, что он компенсирует ей этот невыносимый недостаток и репарирует ее несовершенное тело. Пенис здесь не означает (только) конкретный пенис, но стоит за ощущением, что у кого-то – мужчины – есть что-то другое, то, чего нет у маленькой девочки – дочери. Это чувство присутствует несмотря на то, что девочка знает, что у нее и у ее матери есть что-то очень важное – матка, пространство для ребенка.

Девочка испытывает фрустрацию в своем желании любить, потому что у нее нет того, в чем нуждается мать, и чем она могла бы привязать себя к матери. Мать и отец дополняют друг друга в сексуальном плане, что укрепляет их связь и обязательства. Когда маленькая девочка больше не может ощущать себя желанной и любимой своей матерью, ее желание иметь мать/женщину исключительно для себя превращается в желание быть женщиной, быть как мать (McDougall 1995). Это вызывает в девочке желание быть любимой представителем противоположного пола и стать в будущем матерью.

Тэхке (Tähkä, 1993) делит триадическое развитие девочки на три фазы. На первом этапе она осознает, что отец играет в психике матери роль объекта любви. Она старается быть похожей на мать и быть более привлекательной, чем соперничающий отец. На этой стадии мать является объектом как любви, так и идентификации. Во второй фазе девочка осознает, что мать любит отца из-за его непохожести, а не из-за его сходства. Теперь девочка пытается угодить матери, как это делает ее отец, стараясь быть лучше его во всех отношениях. В третьей фазе эдиповой триады девочка переносит свою любовь на отца. Раньше она идеализировала мать, но теперь объект желания матери становится идеализированным объектом желания девочки, то есть фаллосом. Это, как пишет Маннинен (Manninen, 1991), бессознательно созданная и поддерживаемая иллюзия несравненной силы физического «достоинства» отца-человека в достижении желаемого удовлетворения. На этой стадии развития отец идеализируется как объект любви, а мать остается идеализированным объектом идентификации.

Огден (Ogden, 1987) описывает реорганизацию желаний эдипова возраста как переходное явление. Мать все чаще признается отдельной личностью, с желаниями и стремлениями, которые дочь уже не может удовлетворить. Девочке это кажется обманом. Мужчина, отец, становится главным представителем «инаковости», внешним объектом. Событие это постепенное и переходное. Гетеросексуальная любовь матери основана на ее любви к собственному отцу и на достаточно хорошей фантазии о любви между дочерью и отцом, и эта фантазия оказывает бессознательное влияние на фантазии дочери. Маленькая девочка сначала влюбляется в мужчину из материнской фантазии отношений дочь-отец, то есть в мужчину в сознании матери, в образ отца в матери. Если образ отношений матери с собственным отцом достаточно хорош, она позволит дочери влюбиться в отца. Идентифицируясь с отцом из своих собственных хороших отношений с отцом, она может наблюдать свою дочь глазами своего мужа и, таким образом, дает возможность дочери получить нарциссическое удовлетворение от взгляда ее отца. Таким образом, мать становится объединителем материнской и отцовской любви и посредником в эдиповом развитии дочери. Если в воображении матери отношения с отцом связаны с разочарованием, конфликтом, обесцениванием и завистью, эти эмоции будут перенесены в мир дочери и негативно повлияют на ее дальнейшие любовные отношения.

Пентти Иконен (Pentti Ikonen, 1987) пишет, что эдипова любовь часто является величайшей эмоцией в человеческой жизни. С точки зрения развивающегося индивида, эдипов опыт означает совершенно новую ориентацию на других, на себя и на существование в целом. Великая любовь всегда содержит эдипову часть, хотя может иметь и другие составляющие. Эдипова любовь всегда оставляет свой след. Как желание заново открыть ее, так и страх этого бессознательно определяют дальнейший выбор объектов любви и формирование самой любви. Эдипов опыт также означает потерю первичного объекта любви, за которой следуют шок, отрицание, ненависть и, наконец, печаль. Если потеря не проработана, девочка может защитить себя от эдиповых разочарований только чрезмерными защитными действиями, такими как девальвация различий между поколениями, полами и физическими особенностями, что приводит к ощущению эдиповой неполноценности, созданию несексуальных идеалов Эго и к другим попыткам отрицать эдипову реальность.

Иконен (Ikonen, 1987) утверждает, что девочка отказывается от своих эдиповых желаний из-за своей уязвленной самооценки. Она стремится перенести желание эротико-сексуального удовлетворения из конкретного желания в мир фантазий и надежд на будущее. Кроме того, она должна быть способной оставить как раннюю симбиотически-нарциссическую любовь к матери, так и от эротическую любви к отцу и матери и найти объекты любви вне семьи. Чувства девочки меняются и мотивируют переход от диадических отношений к триадическим. Ревность, чувство себя лишней и неполноценной, осознание невозможности достижения собственных желаний вызывают стыд, ненависть и желание подавить эдипальные тенденции.

Эдипальные отношения между матерью и дочерью очень уязвимы и подвержены проблемам. В негативном эдиповом решении девочка не находит в матери фантазии о хорошем и желанном отце; сама мать остается объектом любви, а отец - соперником за материнскую любовь. В идеале мать должна быть способна привести свою дочь в гетеросексуальный комплементарный мир. Мать и отец, как объекты любви дочери, дифференцируются в ходе эдипального развития, и любовь, которую дочь к ним питает, приобретает дифференцированные оттенки. Это диверсификация любовных чувств образует основу для последующего развития, в котором разные люди будут выступать в качестве разных объектов любви.

Нейтрализация отношений матери и дочери; латентность

Хотя Фрейд первоначально рассматривал латентность как время стагнации в сексуальном развитии, многие более поздние авторы (например, Maenchen 1970, Etchegoyen 1993) утверждают, что это часть фазы психосексуального моратория, в которой девочка прорабатывает свое горе от потери детства и невозможности вернуться во внутреннее пространство матери и овладеть ею. Обязательное отделение от родителей приводит к реорганизации защитных механизмов, развитию Эго и Суперэго, проработке эдипальных проблем.

В своем доэдипальном решении девочка чувствует себя обманутой матерью, а в своем эдипальном решении - отцом. Она осознает, что первичным объектом материнской любви был отец, а первичным объектом отцовской любви и физического желания - мать. Девочка должна выжить вне диады и отказаться даже от триады; она должна найти свои объекты вне семьи. Если девочка воспринимает своих родителей как хороших и любящих, ей легче принять их любовные отношения и почувствовать облегчение и восторг от их взаимной любви. Таким образом, ее желания теряют свой всемогущий и пугающий характер. Несмотря на то, что девочка разочаровалась в любовных отношениях с родителями, ее способность и воля к идентификации с ними сохраняются, усиливаясь по мере развития. Латентность, таким образом, - это период психической репарации и восстановления, помимо работы горя. Девочка научилась переносить потери и приобрела более развитые психические защитные механизмы. Ее отношения с родителями, особенно с матерью, улучшаются и становятся более близкими.

В этой фазе развития девочка осознает, через эдипальную ситуацию, многогранность родительских отношений и ощутила себя вовне этих отношений, «за бортом». Бион (Bion) называет это обучением через осознание связей. Когнитивные способности девочки развиваются и дают ей возможность понимания сложности внешнего мира. Друзья, новые интересы и школа «отлучают» девочку от семьи и приводят в круг сверстников. Разочаровавшись в родителях, девочка вынуждена искать свою индивидуальность, таким образом, возрастает значимость друзей. Тем не менее, присутствие родителей имеет решающее значение для развития идентичности. Более раннее развитие идентификации превращается в развитие идентичности.

Хотя латентная девочка как будто бы отказывается от своего сексуального желания к родителям, сексуальность не исчезает из ее сознания. Сексуально окрашенные игры, любопытство к собственному и чужому телу, мастурбация широко распространены, но считаются запретными и постыдными. Разрешение эдиповой ситуации и сексуальные запреты существенно влияют на развитие Суперэго. Исполнение его кодекса через развитие нравственности и чувства стыда и вины является центральной функцией латентного периода.

Если ранние отношения матери и дочери были хорошими, мать и дочь могут легко наслаждаться друг другом во время латентности девочки. Они делают множество вещей вместе, и девочке очень нравится участвовать в маминой и женской деятельности. Бабушка является важным объектом женской идентификации для девочки и может быть необходимой поддержкой и опорой в повседневной жизни.

Жизнь в сообществе из трех женских поколений часто поддерживающая и свободная от конфликтов на этом этапе. Для девочки латентность - это период внутреннего прояснения, консолидации сил и обнаружения собственных возможностей. Вся ее личность становится

бутоном, готовым распусться, взорваться мощным цветением с наступлением половой зрелости и сексуальным развитием.

Конфликт в любовных отношениях матери и дочери

Когда дочь достигает подросткового возраста, а мать - среднего, в их отношениях начинают происходить большие перемены. Некоторые авторы подчеркивают кризисный характер подросткового возраста и конфликт, который он вызывает в отношениях матери и дочери; другие отмечают привязанность и продолжение процесса идентификации.

В подростковом возрасте нормальный кризис идентичности девочки проявляется особенно ярко, а борьба за независимость становится наиболее интенсивной. После мирной латентной фазы дочь меняется внешне и внутренне. Эти изменения заставляют ее столкнуться со всеми трудностями взаимодействия матери и дочери, вытекающими из более ранней фазы и ранних нерешенных проблем, хотя и в другой форме. Девочке приходится отказываться от близкого общения (companionship) с матерью - часто очень резко - и от своего желания быть регрессивно близкой с матерью. Девочка отстраняется от матери - по сути, противостоит ей; она спорит, обвиняет, нападает, ссорится и во всем остальном расходится с матерью. Они спорят обо всем и ни о чем - об одежде, домашних делах, друзьях, интересах и даже об образе жизни матери, который девочка раньше принимала и которым восхищалась. Теперь она критикует, требует и открыто восстает. Она пытается привлечь отца на свою сторону, против матери, или ищет поддержки у друзей, приемных родителей, друзей матери и даже бабушки.

Согласно Далю (Dahl 1989, 1993, 1995), в психоаналитической теории можно провести различие между текущими проблемами отношений матери и дочери и тем, как девочка имеет дело с ее внутренним отношением к матери. Задача развития девочки-подростка состоит в том, чтобы интегрировать фантазии о матери в данный момент и «внутреннюю мать» детства. Фантазия о матери детства как всемогущей, контролирующей и доминирующей, превращается в образ независимой женщины. Это женщина, ответственная за свою женственность, материнство и собственную идентичность, с которой дочь может идентифицироваться, которую она может любить и на которую она может положиться, когда это необходимо. Борьба с матерью этого периода находится на службе внутреннего процесса сепарации. Тоска по матери, которая избавляет девочку от одиночества, от чувства, что она «за бортом», от душевной боли, иногда может вызывать сильные гомосексуальные желания и страхи.

В подростковом возрасте эдипальная ситуация активизируется вновь. Девочка должна уметь отказаться от объекта своей доэдипальной любви, внутренней матери, и обратиться к внутреннему отцу-мужчине. Смена объекта снова становится острой проблемой. Если девочка не смогла идентифицироваться со своей матерью, она возвращается на более раннюю стадию их отношений, и женщина-мать снова становится объектом любви.

Центральной мотивационной силой подросткового возраста является сексуальная потребность, которая возрастает в период полового созревания и требует объекта. Согласно Тэхке (Tahka, 1993), это активизирует эдиповы объекты, которые были идеализированы и вытеснены как объекты любви, так и как идеалы Эго. Это приводит к их постепенной, бессознательной ре-экстернализации и сравнению с реальными родителями текущего периода.

Изменения в теле девочки способствуют конфликтам в отношениях матери и дочери. Девочка не может спрятаться от своей сексуальности и взросления. Она хочет догнать или

превзойти свою мать и в то же время боится этого. Изменение формы ее тела является, с одной стороны, источником радости и гордости, с другой стороны - причиной стыда и смущения. После первой менструации жизнь девочки коренным образом изменяется, она становится женщиной, во многом преемником материнского образа жизни. Тела дочери и матери различаются и при этом становятся похожими.

Способность и желание матери внести свой вклад в изменение и рост дочери на этом этапе имеют решающее значение в развитии любовных отношений между матерью и дочерью. Способность матери быть поддерживающей, но не навязчивой, близкой, но не слишком интимной, теплой, но не слишком вовлеченной, способствует росту дочери. Гибкость матери находится под сильным напряжением. Иногда дочь сворачивается калачиком рядом с матерью, чтобы поболтать о том, о сем. Иногда она выскакивает из комнаты, полная гнева, крича, что ее понимают только друзья. Иногда она притворяется, что знает все обо всем и отвергает все, что мать предлагает; иногда она просит совета и изливает матери все свои беды. Постепенно девочка начинает понимать, что личность и образ жизни ее и матери отличаются. Она может бояться зависти матери к ее юношескому цветению, испытывать эмпатию и нежность из-за разочарований в повседневной жизни матери и чувствовать печаль из-за психической и физической разлуки, которая маячит впереди. Вторая часть отрочества - это период репарации и перестройки отношений между матерью и дочерью.

Мать в то же время сталкивается с новыми проблемами в отношениях с собственной матерью, которая стареет и может быть одинокой, немощной, беспомощной и надеющейся на помощь дочери. Женщина в среднем возрасте испытывает давление с обеих сторон. Иногда она сама жаждет материнства. В отношениях с собственной матерью она может столкнуться с ситуациями, с которыми никогда раньше не сталкивалась. Она может быть вынуждена заботиться о своей беспомощной больной матери, стать матерью для своей собственной матери. Прикосновения, психическая и физическая близость по-новому входят в отношения матери и дочери. Вновь всплывают нерешенные проблемы их общей истории. Доэдипальные страхи и гомосексуальные импульсы проникают в психику и матери, и бабушки. Та же бабушка, которой было легко (или трудно) прикоснуться к своей новорожденной дочери или кормить ее, теперь хочет или боится, чтобы дочь прикасалась к ней и кормила ее. Мать, которая когда-то считалась всемогущей и властной, нуждается в любви и помощи своей дочери.

Сексуальность; дифференциация любовных отношений мать-дочь

В жизни матери и дочери почти все было общим: телесная связь во время беременности и кормления грудью, взаимность в отношениях, когда мать кормила дочь, взаимная любовь и идентификация. Ранние чувственные удовольствия девочки были в основном связаны с матерью, хотя важно понимать, как сильно на это влияют отец и фантазии об отце. Однако, что касается чувства сексуального удовольствия, девочка становится разочарованной и обиженной матерью; обычно мать не предлагает сексуальное удовольствие открыто, скорее, наоборот, может даже запретить его сигналами своего поведения. Сексуальность заставляет девочку отличаться от матери. Возможно, это единственное, что мать и дочь не разделяют друг с другом.

По мере эдипального развития девочка осознает, что она не является самым важным объектом материнской любви. У отца-мужчины есть то, что предпочитает иметь мать, то, что является предметом ее любви и что удовлетворяет ее. По мере того, как девочка идентифицирует себя с матерью, объект материнской любви становится центральным объектом и организатором желания дочери. Согласно Грюнберже (Grunberger, 1985), для

девочки принципиально важно осознать, что родившая ее мать не может быть объектом ее настоящей любви и что она сама не может быть объектом материнской любви в том виде, в котором она может быть объектом любви мужчины.

Как мы уже отмечали, проблемные доэдипальные отношения осложняют сексуальное развитие девочки. Бенджамин (Benjamin, 1990) описывает трудности, возникающие из-за того, что девочка в нормальном развитии должна идентифицироваться матерью, которая рассматривается как объект желания, а не с отцом, который считается субъектом желания. Кулиш (Kulish, 1998) также подчеркивает, что девочке необходимо разрешить конфликт: как она может быть одновременно объектом (идентифицируясь с матерью) и субъектом желания. Как она может быть верной своей матери и в то же время быть сексуальной? Сексуальное желание отделяет дочь от матери. Идентификация с матерью привязывает дочь к ней.

Телесные изменения и ощущения подросткового возраста привлекают внимание дочери к ее собственному телу. Воспоминания о чувственном удовольствии, вызванном заботой матери в раннем детстве, вызывают гомосексуальные страхи и желания (Dahl, 1985, 1993, 1995). Идентификация с телом матери и интенсивные отношения с подругами создают аналогичное давление. Резкая, и даже навязчивая (obsessive), разлука с матерью может вызвать конфликты между матерью и дочерью; внешняя сепарация часто используется на службе внутренней сепарации.

То, как мать реагирует на сексуальность дочери, имеет решающее значение для будущих отношений девочки. Фантазии и переживания матери в отношениях с мужчинами, ее собственная сексуальность и сексуальная жизнь ее родителей возрождаются в ней, когда она наблюдает свою дочь с бойфрендами и родственниками мужского пола. Отношение матери к сексуальности выразилось в том, как она нянчила свою дочь в детстве и реагировала на желание девочки исследовать и ухаживать за своим собственным телом. Сексуальность девочки развивается частично через идентификацию с ментальным миром матери. Позже мать должна иметь способность и желание позволить дочери жить своей собственной сексуальной жизнью. Как было сказано ранее, сексуальность может быть единственной областью, которую мать не может разделить со своей дочерью.

Продолжение любви в последующих поколениях

В подростковом возрасте девочка заново открывает свою мать, теперь уже на более реалистичной основе. Мать, по крайней мере частично, отличается от интернализированного материнского образа детства дочери. Девочка встречается с другими женщинами. Ее фантазии о женщинах, женственности, женских качествах и материнстве становятся все более разнообразными и открывают новые объекты восхищения и идентификации. Она не так зависима от матери, она строит свою собственную женскую идентичность. Подобным же образом она оставляет своего отца и его образ отца-мужчины. Мать и дочь больше не делят одного и того же мужчину, даже в своих фантазиях. В этом отношении и мать, и дочь становятся дифференцированными, хотя идентификация с женским полом дает им возможность продолжать взаимные обязательства и взаимную любовь. Мать и дочь никогда не будут полностью дифференцированными друг от друга.

Первоначальная любовь девочки к матери превратилась в любовь к мужчине вне семьи. Этот мужчина не является частью тех фантазий, которые когда-то разделяли мать и дочь. В жизни дочери теперь доминирует мужчина, которого она сама выбрала и который не известен матери. В этой ситуации мать может чувствовать себя «за бортом», вынужденной

отдалиться от дочери, которая была ее частью в утробе матери и чье превращение в независимого взрослого она поддерживала как важный сочувствующий сподвижник. Мать может чувствовать себя брошенной и отвергнутой. С другой стороны, она гордится тем, что ее жизнь продолжается в дочери и что однажды у нее может появиться внучка.

Внучка представляет собой повторение собственного детства женщины и детства ее дочери, которым она теперь может наслаждаться. Ее жизнь продолжается в дочери и внучке. Радость и грусть, принятие и отдача идут рука об руку.

Теперь мать может жить более спокойной жизнью, не заботясь о повседневных нуждах дочери. Менопауза может сбивать с толку, но затем сексуальная жизнь становится свободной, как только исчезает страх беременности и дети покидают дом. У матери появляется время для себя и своих чувств. Пайнз (Pines, 1993) описывает сексуальную жизнь своей стареющей пациентки. Занимаясь с ней любовью, муж не только является ее любовником, который удовлетворяет ее немолодое тело и помогает ей забыть о приближении старости и смерти, но и прикасаясь к телу жены во время прелюдии, доставляя наслаждение им обоим, он бессознательно вызывает в ее воображении воспоминания о ее раннем детстве, о ее матери и ее любви к ней - маленькой девочке. Эти чувственные телесные воспоминания и иллюзия взаимной любви из детства простираются до конца жизни.

В то же время, когда мать расстается с прежней формой общения с дочерью, ей приходится расстаться и с собственной матерью и отношениями дочь-мать. Смерть старой матери окончательно и бесповоротно указывает на то, что невозможно вернуть утраченный рай детства и абсолютно реципрокные отношения матери и дочери. Женщина чувствует себя окончательно покинутой и одинокой. Когда она сталкивается со смертью своей матери, ей приходится еще раз пройти через телесную привязанность и зависимость отношений матери и дочери. Она ухаживает за матерью, трогает и ласкает ее, как когда-то лелеяла ее мать. Конфликт может возникнуть, если старая и умирающая мать захочет снова обладать своей дочерью. Ей может быть трудно отделить себя от дочери, близость и забота которой позволяют ей испытать ту же защиту, которую давным-давно дала ей ее мать. В связи с сепарационной тревогой мать проходит через переживания психической привязанности и зависимости, вспоминая, принимая, прощая и чувствуя благодарность. Мать потеряла два предыдущих важных поколения женщин, но в то же время она видит два будущих поколения, которым она способна давать и получать взамен, с которыми может делиться идентификацией и любовью.

Литература:

- Balint, A. (1949). Love for the mother and mother love. *Int. J. Psycho-Anal.* 30:109-127. [\[→\]](#)
- Benjamin, J. (1990). The Alienation of Desire: Woman's Masochism and Ideal Love. In Zanardi, G. (ed.) *Essential Papers on the Psychology of Woman*. New York: New York University Press.
- Bibring, G., Dwyer, T., Huntington, D., & Valenstein, A. (1961). A study of the psychological process in pregnancy and of the earliest mother-child relationship. *Psychoanal. St. Child* 16:9-44. [\[→\]](#)
- Blum, H. P. (1980). The maternal ego ideal and the regulation of maternal qualities. In S. L. Greenspan and G. H. Pollock (eds.): *The Course of Life: Psychoanalytic Contributions Toward Understanding Personality Development*, vol. 3, Adulthood and the Aging Process. Washington, NIMH.

- Bollas, C. (1997). Hysteria on our time. A paper given at the Finnish Psychoanalytical Association 27.9.1997.
- Bollas, C. (2000). Hysteria. London. Routledge.
- Brazelton, T. B., & Cramer, B. G. (1991). The earliest relationship. Karnac Books, London.
- Chasseguet-Smirgel, J. (1970). Feminine guilt and the Oedipus complex. In Female Sexuality (ed.) Chasseguet-Smirgel. Karnac. London 1985.
- Chodorow, N. (1978). The Reproduction of Mothering. Berkeley: University of California Press.
- Dahl, E. K. (1989). Daughters and mothers: Oedipal aspects of the witch mother. *Psychoanal. St. Child*, 44:267-280. [↗](#)
- Dahl, E. K. (1993). The impact of divorce on a preadolescent girl. *Psychoanal. St. Child*, 48:193-209. [↗](#)
- Dahl, E. K. (1995). Daughters and Mothers. Aspects of the Representational World During Adolescence. *Psychoanal. St. Child*, 50:187-204. [↗](#)
- Etchegoyen, A. (1993). Latency—a reappraisal. *Int. J. Psycho-Anal.* 74, 347-358. [↗](#)
- Freud, S. (1914). On narcissism. S.E. 14. [↗](#)
- Freud, S. (1925). Some psychological consequences of the anatomical distinction between the sexes. S.E. 19. [↗](#)
- Freud, S. (1926). The question of lay analysis. S.E. 20. [↗](#)
- Freud, S. (1931). Female sexuality. S.E. 21. [↗](#)
- Freud, S. (1933). Femininity. S.E. 22. [↗](#)
- Furman, E. (1982). Mothers have to be there to be left. *Psychoanal. St. Child* 37:15-28. [↗](#)
- Furman, E. (1996). On Motherhood. In Richard, D. & Tyson, P. (eds.) The psychology of woman: psychoanalytic perspectives.
- Grunberger, B. (1985). Outline for a study of narcissism in female sexuality. In Chasseguet-Smirgel, J. (Ed.): Female Sexuality. London: Karnac Books.
- Häggglund, V. (1988). Äidin ja lapsen varhainen maailma. In Psykoanalyysin monta tasoa. Psykoanalyttikko, professori Tor-Björn Häggglundin juhlakirja 10.3.1988. Nuorisopsykoterapiasäätiö.
- Ikonen, P. (1987). Oidipuskompleksin ilmenemismuotoja myöhemmässä elämässä. Duodecim 1987.
- Kestenberg, J. (1982). The inner-genital phase—prefallic and preoedipal. In Mendell, D. (Ed.): Early Female Development. New York: SP Medical & Scientific Books.
- Kulish, N. M. (1986). Gender and transference: the screen of the phallic mother. *Int. Rev. Psycho-Anal.* 13:393-404. [↗](#)
- Lehtonen, J., Könönen, M., Purhonen, M., Partanen, J., Saarikoski, S., & Launiala, K. (1998). The effect of nursing on the brain activity of the newborn. *J. Pediatrics*. April 1998.
- Maenchen, A. (1970). On the technique of child analysis in relation to stages of development. *Psychoanal. St. Child* 25:175-208. [↗](#)
- Manninen, V. (1991). Pojan polku, isän tie. Psykoanalyttisia tutkielmia pojan kasvusta, isän merkityksestä ja miehen tavoitteista. Helsinki. Kirjayhtymä.
- Manninen, V. (1993). Tyydytys ja tyytymys. Helsinki. Kirjayhtymä.
- McDougall, J. (1980). Plea for a Measure of Abnormality. New York: Int. Univ. Press.
- McDougall, J. (1995). The Many Faces of Eros. London: Free Association Books.
- Miller, P. (2010). An envelope in the mail-box. Some considerations on the early shapings of sexuality. Psychoanalysis in Europe. *EPF Bulletin* 64, 230-243.
- Mäenpää-Reenkola, E. (1997). Naisen verhottu sisin. Helsinki: Yliopistopaino.
- Ogden, T. H. (1987). The transitional oedipal relationship in female development. *Int. J. Psycho-Anal.* 68:485-498. [↗](#)
- Pines, D. (1993). A Woman's Unconscious Use of Her Body. A psychoanalytical perspective. London: Virago Press.
- Stoller, R. (1968). Sex and Gender, vol. 1. Maresfield Library. London, 1984.

- Torsti, M. (1996). Äitiys. In Roos, E., Manninen, V., Välimäki, J. (Eds.) Helsinki: Kohti piilotajuntaa. Yliopistopaino.
- Tähkä, V. (1993). Mielen rakentuminen ja psykoanalyttinen hoitaminen. WSOY. Porvoo-Helsinki-Juva.
- Wellon, E. V. (1988). Mother, Madonna, Whore. The Idealization and Denigration of Motherhood. London: Free Association Books.
- Wrye, H. K. & Welles, J. (1989). The maternal erotic transference. *Int. J. Psycho-Anal.* 70. [\[→\]](#)